

© 2023

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Россия)
(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

МЕТОДЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ

Устоявшееся определение «мягкой силы» (англ. *soft power*) — это форма политической власти, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. В статье анализируются теоретические и методологические подходы к возможности использования не только в политике, но и в экономике методов «мягкой силы», которые, по мнению автора, могут стать частью управленческой политики, направленной на использование публичных (открытых, доступных и коллективных) методов воздействия.

Ключевые слова: «мягкая сила», политика, экономика, государственное управление, цифровизация.

DOI: 10.31857/S020736760023987-4

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, говорится, что современный мир переживает период трансформации, связанной с увеличением количества центров мирового развития, укреплением позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров, формированием новой архитектуры, правил и принципов мироустройства. С учетом этого с позиций обеспечения государственной, общественной и экономической безопасности в нашей стране согласно данной Стратегии, в частности, требуется:

- расширение равноправного многостороннего сотрудничества, укрепление и развитие универсальных международных институтов в целях снижения глобальной напряженности, укрепления международной безопасности, работы механизмов взаимодействия и согласования интересов разных центров развития, определения общих подходов и правил поведения в экономической и торговой сферах (пункт 24);
- развитие институтов гражданского общества, поддержка общественно значимых инициатив, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности (пункт 47.5);
- укрепление экономического суверенитета, повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз, создание условий для экономического роста РФ, темпы которого будут выше мировых (пункт 66).

Сложность и глобальность стоящих перед Россией стратегических целей, чрезвычайная актуальность внешнеполитических и внутренних социально-экономических вопросов остро ставят проблему переосмысления концепции государственного управления, перехода на новую, публичную траекторию ее развития, предполагающую активное участие общества в постановке и реализации политических и социально-экономических задач, согласовании и принятии управленческих решений. Возможно, публичная парадигма в государственном управлении не в полной мере соответствует современным реалиям, связанным с реализацией мобилизационных мер в экономике, но эти меры, на наш взгляд, носят тактический, а не стратегический характер. Мы же говорим о стратегии, которая, как известно, отличается от тактики более длительной продолжительностью во времени и более существенной масштабностью поставленных задач.

Одним из инструментов реализации концепции публичного управления представляются методы «мягкой силы». Некоторые предпосылки для использования в рамках публичного управления «мягкой силы» были рассмотрены в статье [1]. Здесь мы продолжим данный анализ, который, как представляется, во многом будет носить полемические аспекты.

Политика. Американский политолог Дж. Най — автор термина «мягкая сила» — не дает четких ее определений, тем не менее сущность этого феномена он описал достаточно точно: «иногда вы можете получить нужный результат без применения угроз или подкупа». Та или иная страна может получить необходимые ей результаты в мировой политике уже только потому, что другие страны, позитивно воспринимая ее ценности, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости, желают следовать её примеру. «Мягкая сила», — пишет Дж. Най, — это умение делать так, чтобы другие захотели тех же результатов, что и вы хотите, умение вовлекать и объединять людей, а не принуждать их. «Мягкая сила» — это способность формировать предпочтения других, которые, как правило, связаны с нематериальными активами, такими как привлекательная личность, культура, политические ценности и институты, а также политика, которая рассматривается другими как легитимная и имеющая моральный авторитет. Кроме того, «мягкая сила» — это способность привлекать к себе сердца и чувства и способность формировать желания и потребности других (цит. по [2]).

«Мягкая сила» практически тождественна так называемой публичной дипломатии, под которой понимается «механизм коммуникации одного государства с обществом другого — через использование широкого спектра социально-гуманитарных и информационных ресурсов» с целью создания позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии, формирования позитивных настроений по отношению к его политике на стороне объекта [3. С. 90].

Некоторые исследователи считают, что в эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции методы «мягкой силы» и публичной дипломатии становятся важным ресурсом внешнеполитической мощи только стран, претендующих на «мировое господство». Но это противоречит тезису Дж. Ная о том, что страны могут обладать политической привлекательностью, которая больше, чем их военный или экономический вес, так как их национальные интересы подразумевают наличие привлекательных целей, например таких, как экономическая помощь или миротворческая деятельность [4]. Здесь, на наш взгляд, прежде всего следует выделить такие страны, как Швейцария, Австрия, Финляндия и Швеция. Именно благодаря методам «мягкой силы», прежде всего связанным с имиджем королевы Елизаветы II, успешно «держится на плаву» Содружество наций – добровольное межгосударственное объединение 54 суверенных государств, в которое входят Великобритания и почти все ее бывшие доминионы, колонии и протектораты.

Что касается России, то, резюмируя высказывания российских авторов по поводу «мягкой силы», можно констатировать, что она в основном воспринимается как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации чуждых зарубежных интересов, прежде всего политических, и надо этому серьезно противиться [1. С. 9]. При этом речь практически не идет о применении данных методов самой страной, то есть Россия выступает в основном как объект «мягкой силы», а не как субъект. Об этом свидетельствует и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой много говорится о противодействии внешним угрозам и вызовам. Справедливости ради следует отметить, что в этом документе есть положение о повышении роли РФ в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве, укреплении позиций русского языка как языка международного общения (пункт 101.18). Более или менее удачные попытки применения Россией «мягких» методов наблюдаются в соседних странах, в первую очередь в Центральной Азии, где Россия на этом поле конкурирует и с Казахстаном, старающемся укрепить свою ведущую роль в данном регионе, и с Турцией, вынашивающей идеи пантюркизма, и с Китаем, столкнувшимся с необходимостью реализации здесь своих интересов для решения внутренних проблем. Нельзя забывать и о такой организации, как НАТО, для которой присутствие в регионе наиболее предпочтительно через «аппликацию «мягкосиловых» форматов» [3. С. 90]. При этом потенциальные объекты применения «мягкой силы» прекрасно видят все социально-экономические и политические проблемы потенциальных «доноров».

Мы согласны с мнением, что применительно к России, с одной стороны, «наблюдается ярко выраженная субъектность государства в вопросе проведения внешней политики, а также определенная возможность оказания политического влияния как на близлежащие страны, так и на страны дальнего зарубежья...». С другой стороны, можно отметить «наличие внешнего влияния со

стороны иностранных государств, направленного на ограничение попыток реализации финансово-экономического и социального потенциала государства» [5. С. 213]. На наш взгляд, второе все же существенно перевешивает первое, а оба эти направления сейчас подвергаются существенному сжатию из-за санкций «недружественных» стран и российских антисанкций. В западном информационном пространстве достаточно быстрыми темпами стираются исторические, культурные, дипломатические и научные российские достижения. В качестве симметричного ответа Россия заявляет о выходе из большинства глобальных проектов, обеспечивающих воздействие «мягкой силы» Запада, например, из Болонского соглашения, что ведет к качественному пересмотру отечественных подходов к образованию.

В настоящее время использование только сырьевых, финансовых и примитивных пропагандистских инструментов для сохранения или привлечения какой-либо страны в зону своего влияния явно недостаточно. Об этом свидетельствуют и ситуация в Содружестве независимых государств (СНГ), где Россия играет ключевую роль, и проблемы в деятельности Россотрудничества («Русского дома»), призванного быть главным инструментом по укреплению положения страны в мире и развитию элементов «мягкой силы». Современный арсенал таких элементов должен включать в себя передовое образование, медицину, производственные технологии, права человека, демократическое устройство, уважение к окружающим и другие гуманитарные факторы. Как справедливо отмечалось в одной газетной статье, «примитивный силовой контроль может быть эффективным лишь на короткой дистанции времени, но ни в коем случае не на длинных временных горизонтах» [6]. Другими словами, «жесткая» тактика может принести успех, «жесткая» стратегия — никогда.

Проблемы с применением «мягкой силы» Россией связаны, как мы думаем, не в последнюю очередь с проблемами у страны и ее руководства на идеологическом фронте. Наличие официальной государственной идеологии подразумевает, что выбранная обществом власть придерживается тех принципов, стремится к достижению тех целей, которые соответствуют ее идеологии. В данном контексте многообразие недопустимо: «система государственного управления в условиях идеологического плюрализма или отсутствия идеологии как таковой абсурдна. Идеологический плюрализм в корне ломает целостность государственной политики» [7. С. 114]. Конституционно закрепленное отсутствие какой-либо государственной идеологии (см. ст. 13, п. 2 Конституции РФ) делает принципы и цели государственной политики аморфными и непостоянными, что для потенциальных объектов «мягкой силы» неприемлемо с точки зрения перспектив развития.

С другой стороны, «гибкость власти — это исходный импульс любой грамотной политики — как внутренней, так и внешней» [3]. Поэтому методы «мягкой силы», как мы уже отмечали, сопрягаются с так называемыми гибкими

методами управления (Agile), основанными на взаимодействии, сотрудничестве и готовности к изменениям в условиях цифровых преобразований [1. С. 11]. Цифровизация политики — объективный процесс, связанный с самыми современными механизмами ангажирования политических интересов и взглядов с помощью интернета, в первую очередь через социальные сети. «Мягкая» интернетовская сила может разбудить «жесткие» политические и социальные движения. Поэтому усиление значимости цифровых форматов в мировой политике заставляет государства задействовать различные имеющиеся у них инструменты для снижения рисков конфронтации в новом пространстве общественных отношений, которое не поддается полному контролю.

Экономика. Современная отечественная экономическая модель, не смотря на всю «жесткость», отнюдь не исключает применения метода «мягкой силы», правда весьма избирательно и своеобразно. Например, включение в 2009 г. ряда крупных российских предприятий в правительственный Перечень системообразующих компаний привело к образованию у них устойчивых конкурентных преимуществ, приносящих институциональную ренту. При этом непосредственно государство не расходовало финансовые ресурсы для их поддержки, а лишь поощряло к этому крупные банки с государственным участием и использовало административный ресурс для быстрой и успешной антикризисной реструктуризации. «Мягкая» господдержка крупного бизнеса в рамках произведенного разделения компаний по приоритетности оказалась устойчивой в течение последующего десятилетия, закрепив лидирующие позиции избранных и загнав надолго остальные компании в институциональную ловушку (подробнее см. [8]).

Здесь мы подходим к важной проблеме, связанной с инвестициями. Сохранение в России доли инвестиций в основной капитал на уровне 17% ВВП (для сравнения в Китае 40% ВВП, а объем ВВП в КНР примерно в 6,5 раза больше, чем в РФ) дает мало шансов на экономический рост и не может обеспечить должное социально-экономическое развитие. При этом частный бизнес не желает увеличивать свою инвестиционную активность и причина этого — отсутствие эффективных, в том числе «мягких», инструментов стимулирования предпринимателей к осуществлению инвестиций. К таким инструментам, в частности, можно отнести:

- обеспечение защиты частной собственности всеми возможностями, имеющимися у государства;
- введение налоговых, таможенных и административных льгот при инвестировании в основные фонды, человеческий капитал, импортозамещение и исследования / разработки;
- развитие конкурентной среды во всех отраслях, усиление борьбы с монополизацией.

Думается, что одним из наиболее эффективных методов «мягкого» воздействия на инвестиционную деятельность являются налоговые послабления. К сожалению, этот метод у нас недостаточно эффективно используется. Как считают эксперты, с 1992 по 2020 гг. «использование различающихся по своим характеристикам налоговых льгот на протяжении всего периода не оказывало существенного воздействия на динамику инвестиций» [9. С. 66]. Известно, что налоговая политика определяется органами государственного управления исходя из установленных ими целей. Если цели государства заключаются в увеличении доходной части консолидированного бюджета за счет налогов, то будет выбран вариант сверхжесткой налоговой политики, что и происходит в настоящее время. Если же цели государства заключаются в защите интересов не только предприятий-налогоплательщиков, но и общества в целом, то такая политика должна быть более мягкой. Однако это отнюдь не отрицает определенной жесткости, в частности, в плане внесения изменений в систему налогообложения доходов физических лиц.

На необходимость изменения системы взимания налога на доходы физических лиц с учетом дифференциации по различным факторам (размер общего душевого дохода, бездетность, количество детей и т.д.) указывает целый ряд известных специалистов (см., напр., [10. С. 23–24]). Основной аргумент против подобной реформы — риск сокрытия высоких доходов с целью ухода от налогообложения и, соответственно, рост теневого сектора экономики. Однако надо учитывать имеющиеся в условиях развития цифровых технологий возможности контроля за денежными потоками, который, например, осуществляется по отношению к недобросовестным заемщикам. Здесь мы опять возвращаемся к гибким методам управления в условиях цифровизации.

Цифровая трансформация неразрывно связана с организацией цифровых платформ — современных цифровых форм взаимодействия между отраслевыми поставщиками и потребителями с целью минимизации транзакционных издержек (например, при поиске партнеров, товаров, услуг, организации платежей, заключении контрактов, контроле исполнения договоренностей, оценки репутации отраслевых участников и т.д.). Создание цифровых платформ позволяет государству на «мягкой» основе стимулировать развитие конкуренции на рынке за счет прозрачных информационных условий выбора контрагентов и заключения контрактов, выхода «из тени» тех хозяйственных субъектов, которые ранее не были представлены на рынке. При этом эксперты выделяют несколько сценарных подходов, каждый из которых имеет свои преимущества, недостатки и риски, обусловленные целями формирования платформ, их типами и используемыми технологиями [11]:

- государство утверждает все основные правила взаимодействия на платформе и определяет оператора платформы, который в соответствии с установленными требованиями обеспечивает развитие системы, созданной за бюджетные средства,

формирует модель (технология) входа на платформу и контроль за соответствием требованиям участников;

- государство делегирует право устанавливать правила на платформе оператору, при этом создает механизмы антимонопольного регулирования и обеспечивает контроль за их соблюдением;

- создается государственно-частное партнерство, в котором право владения и эксплуатации платформы в дальнейшем может быть перераспределено между государством и бизнесом.

Таким образом, в зависимости от сценария развития платформы государство делегирует предприятиям отрасли большую или меньшую часть своих полномочий по созданию, обеспечению и регулированию их деятельности. Независимо от выбранного сценария и конкретного рынка, должен быть сформирован комплекс нормотворческих инициатив, направленных не только на регулирование отдельной цифровой платформы, но и всей отрасли (сферы) в связи с формированием в ней таких платформ.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации предусматривается совершенствование системы государственного управления и стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны (пункт 106). В настоящее время особенно актуальным становится обеспечение оптимального соотношения традиционного государственного управления на макроуровне с антикризисным прямым вмешательством в экономику, прямого администрирования с развитием новых инновационных форм и технологий государственного управления, в том числе и в рамках использования элементов «мягкой силы».

В этой связи, на наш взгляд, представляет интерес анализ роли иерархических и сетевых форм организации в условиях кризисного нарушения структурной устойчивости социально-экономической системы [12]. Отмечается, что внутрисистемные связи, базировавшиеся на равновесии отношений власть-подчинение и отношений взаимодействия, взаимного дополнения и взаимного поддерживания, в условиях нестабильности сдвигаются в сторону первых. При этом иерархический принцип организации потенциально всегда несет в себе угрозу сбоя информационных и управленческих сигналов, направляемых от верхних уровней иерархии к нижестоящим. Поэтому «методологически необходимо найти такой организационный ответ на разрушение сложившихся ранее системных связей, чтобы предотвратить одновременное разрушение горизонтальных связей и взаимодействий, на которые опирается структурная устойчивость» [12. С. 38]. Думается, что такой организационный ответ как раз и лежит в плоскости «мягкой силы» в государственном управлении, с помощью которой можно достичь диалектического единства иерархических и сетевых экономических структур.

Еще один аспект. Если мы говорим о креативной экономике, под которой подразумеваются отрасли «с преобладанием творческого труда и высокой добавленной стоимости, опирающиеся на капитализацию и коммерциализацию прав интеллектуальной собственности» [13. С. 222], то здесь использование методов «мягкой силы», на наш взгляд, объективно необходимо. Это связано с главным ресурсом креативной экономики — человеческим капиталом, действующим в творческой среде, представители которой с неприятием воспринимают язык жесткости. Эффективное использование этого капитала зависит от многих условий и факторов, среди которых наиболее важную роль играют сложившаяся система организации работы, наличие механизмов стимулирования, свобода творческого самовыражения. Кадровый голод в целом в экономике, и в особенности в сфере креативной деятельности, усугубляется неблагоприятной демографической ситуацией, причиной чему является не только естественное сокращение рождаемости, но и продолжающееся негативное влияние «демографической ямы». Представляется, что применение «мягкой силы» при управлении процессами в креативной экономике может сыграть существенную роль в решении назревших в данной сфере проблем, прежде всего связанных с воспроизводством человеческого капитала.

Отметим также, что под креативной экономикой как правило подразумеваются отрасли, связанные с культурой и искусством [13]. Вероятно, сюда же следует включить научную сферу и творчество в области цифровых технологий, где дефицит высококвалифицированных специалистов — ключевые проблемы, решить которые невозможно жесткими методами.

Сферы креативной экономики не только требуют к себе «мягкого» подхода, но и сами выступают элементом «мягкой силы», что выражается в уже упомянутой выше публичной дипломатии, которая в настоящее непростое время должна всемерно способствовать налаживанию межгосударственных диалогов и международных отношений, что, в конечном счете, позитивно скажется и на российской экономике. Пока же траектория ее развития, как показывает анализ, остается на пути экстенсивного роста. Правительственные планы и программы, всякого рода «дорожные карты», несмотря на провозглашаемые цели перехода к интенсивному (неоиндустриальному, научно-технологическому и т.п.) развитию строятся таким образом, что способствуют, скорее, воспроизводству сложившейся деформированной экономической структуры, а консерватизм, в свою очередь, порождает жесткость, которая эффективна, как уже отмечалось, только на достаточно коротких отрезках времени.

Итак, «мягкая сила» — это особая управленческая политика, направленная на использование открытых, доступных и привлекательных методов воздей-

ствия, инструментов и технологий для достижения стратегических целей и задач как в политике, так и в экономике. Методы «мягкой силы», как представляется, именно то, что позволяет сделать правильный выбор из двух альтернатив: «либо подчиниться силе инерции, бездумно двигаться по проложенной колее, либо решительно отладить по-новому модель нашего общества» [14].

До нашего времени остро дискуссионным остается вопрос о том, что первично — политика или экономика, политика определяет экономику или наоборот. Дискуссия ведется вокруг ленинского тезиса о политике как концентрированном выражении экономики. Марксистская теория гласит, что экономика служит базисом для политики. Вместе с тем политика обладает большой степенью самостоятельности, решая широкий спектр проблем, выходящих за рамки экономики. Но делать это непросто без крепкого экономического фундамента, который, по нашему мнению, в стратегической перспективе должен строиться на использовании методов «мягкой силы». Такое использование на уровне экономического базиса, на наш взгляд, даст толчок к активизации применения Россией «мягкой силы» и на международной арене. Без такой активизации при одновременном отказе от «жесткой силы» не будет успешным, например, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), где Российская Федерация, точно также как в СНГ, играет ведущую роль.

При управлении экономическими процессами «мягкую силу» следует использовать государству, активно взаимодействующему с различными формами организации гражданского общества. При этом не важен масштаб государственного участия в экономике, а важна эффективность институтов государственного управления, использующих в своей практике «мягкое» воздействие, оказывающее организующее позитивное влияние на хозяйствующих субъектов за счет побудительных мотивов к развитию экономики и общества.

Литература

1. *Смотрицкая И.И., Черных С.И.* К концепции развития публичного управления в России // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 5–17.
2. *Леонова О.Г.* Дж. Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhozef-nay-i-myagkaya-sila-popytka-novogo-prochteniya>
3. *Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р.* «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 90–100.
4. *Неймарк М.А.* «Мягкая сила» в мировой политике — 3-е изд. // М.: ИТК «Дашков и К», 2019. 272 с.
5. *Потурухин В.Д.* Россия и Китай как претенденты на статус геополитических центров силы в контексте теории международных отношений // Россия и современный мир. 2022. № 2. С. 205–216.
6. *Любимов И.* Если кого-то нельзя купить. Почему Россия не смогла привлечь Украину с помощью «мягкой силы» // Новая газета. 23.02.2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/23/esli-kogo-to-nelzia-kupit>

7. *Шуайпова П.Г., Мищенко М.С.* К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2–4. С. 113–115.
8. *Блохин А.А., Кривова Е.С.* Роль «мягкой» господдержки в развитии крупного бизнеса // Мир новой экономики. 2021. № 4. С. 29–40.
9. *Лыкова Л.Н.* Налоговые льготы для поддержки инвестиций: российская история и современное состояние // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 66–79.
10. *Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И., Аганбегян А.Г. и др.* Пандемия 2020. Экономический кризис в России. Что надо делать // М.: ГЕОТАР-Медиа, 2020. 32 с.
11. *Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б. и др.* Как цифровые платформы трансформируют госуправление / TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. 29.11.2019. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
12. *Дерябина М.А.* Иерархическая и сетевая организация в условиях новой нормальности // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 5. С. 35–48.
13. Горячая тема. Круглый стол «Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития» // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2. С. 208–248.
14. *Миккульский К.И.* Вопросы к нашему будущему // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 6–8.

Sergey Chernykh (e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

Doctor of Economic Sciences, professor,

Chief Scientific Associate of Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

SOFT POWER METHODS IN POLITICS AND ECONOMICS

The well-established definition of "soft power" is a form of political power that involves the ability to achieve desired results on the basis of voluntary participation, sympathy and attractiveness, as opposed to "hard power", which implies compulsion. The article analyzes theoretical and methodological approaches to the possibility of using not only in politics, but also in economics soft power methods, which, in the author's opinion, can become part of the management policy aimed at using public (open, accessible and collective) methods of influence.

Keywords: soft power, politics, economy, public administration, digitalization.

DOI: 10.31857/S020736760023987-4